

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

На правах рукописи

Мольков Георгий Анатольевич

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСИ МИЛЯТИНО ЕВАНГЕЛИЕ (РНБ, Ф.п.1.7)**

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

Автореферат
Диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Попов Михаил Борисович
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Осипов Борис Иванович
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»

кандидат филологических наук, научный
сотрудник Отдела древнерусского
языка
Ладыженский Игорь Михайлович
ФГБУН «Институт русского языка
им. В. В. Виноградова» РАН

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится «___» _____ 2014 г. в _____ часов на
заседании совета Д.212.232.18 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный
университет» по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета
(199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте
<http://spbu.ru/science/disser/soiskatelyu-uchjonoj-stepeni/dis-list/details/14/234>.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Вяткина С. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа представляет собой разноаспектное лингвистическое описание древнерусской рукописи XII в. (РНБ, F.п.I.7), известной в науке как Милятино евангелие (далее – МЕ). **Актуальность исследования** языка и письма МЕ обусловлена тем, что, во-первых, языковой материал МЕ, одной из ранних древнерусских рукописей, постоянно находится в поле зрения историков русского языка и палеографов, а отсутствие её датировки объясняет необходимость комплексного палеографического, графико-орфографического, лингвистического описания, и, во-вторых, системное описание языковых особенностей МЕ позволяет не только дополнить ранее введённые в научный оборот примеры из данного памятника, иллюстрирующие те или иные языковые процессы, но и в некоторых случаях пересмотреть их. Трудности, возникающие при объективной оценке отдельно взятых написаний и форм из текста МЕ, усугубляются тем, что на фоне других недатированных рукописей домонгольского периода МЕ отличается необычной широтой датировки, предлагавшейся для него разными исследователями: от конца XI в. до начала XIII в. Такие расхождения в датировке рукописи в первую очередь обусловлено плохой изученностью её языковых особенностей и делает их систематичное описание насущной необходимостью.

Поздняя датировка МЕ (концом XII – началом XIII вв.) предлагалась рядом исследователей (Срезневский 1882, Волков 1897, Столярова 1994) без обращения к данным языка рукописи. Основным аргументом для И. И. Срезневского, Н. В. Волкова, Л. В. Столяровой послужило содержание приписки к рукописи. В. Л. Янин показал, что опираясь на те же данные, которые содержатся в приписке, можно считать МЕ рукописью конца XI в. (Янин 1982). Таким образом, очевидно, что содержание выходной записи писца Домки недостаточно для его датировки. При этом учёные, подключившие к вопросу о датировке памятника его языковые данные (Осипов 1986а, Уханова 2009), вполне уверенно локализируют время создания МЕ первой половиной XII в., хотя и указывают на предварительность сделанных выводов и необходимость дальнейшего и более тщательного изучения языка рукописи.

Общим итогом исследований XX–XXI вв., специально посвящённым проблеме датировки МЕ, можно считать отнесение его создания к XII в. Нет единого мнения о более точной дате создания рукописи, однако датировка началом XIII в., предложенная И. И. Срезневским, по результатам работ В. Л. Янина, Б. И. Осипова, Л. В. Столяровой, А. А. Гиппиуса, Е. В. Ухановой может считаться устаревшей.

Вместе с тем эволюция представлений о времени создания МЕ почти не отразилась в работах по исторической русистике, использующих примеры из памятника в качестве иллюстраций для тех или иных языковых процессов. Такая ситуация возникла, по-видимому, в связи с тем, что цитируемый

материал МЕ почти во всех случаях заимствуется из «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского (Соболевский 1907), где безоговорочно принята датировка И. И. Срезневского и МЕ выступает как рукопись 1215 г. Вслед за А. И. Соболевским МЕ как рукопись 1215 г. (чаще всего – без уточнений того, что это условная дата) фигурирует в следующих работах: Васильев 1909, Дурново 2000 (1924), Карский 1979 (1928), Кузнецов 1953, Соколова 1962, Борковский, Кузнецов 1963, Еселевич 1964а, Шепелёва 1972, Марков 1974, Колесов 1980, Горшкова, Хабургаев 1981, Иванов 1982, Хабургаев 1990, Шульга 2003, Колесов 2009.

Исключением являются тома «Исторической грамматики древнерусского языка» (под ред. В. Б. Крысько), где МЕ датируется концом XII в. Данные МЕ используются в I, III и IV тт. грамматики (Иорданиди, Крысько 2000, Кузнецов 2005, Жолобов 2006).

Таким образом, в отношении МЕ в науке сложилась ситуация, когда материал рукописи XII в. из-за отсутствия обобщающей работы по её языку используется только в виде отдельных примеров и в основном ошибочно – для иллюстрации языковых процессов XIII в. А работы, рассматривающие МЕ как рукопись первой половины XII в., используют её материал только для обоснования её датировки. Языковые данные МЕ в контексте других памятников первой половины XII в. при реконструкции древнерусского языка данного периода до сих пор не рассматривались.

Реферируемая работа апробирует гипотезу о создании МЕ в первой половине XII в. Анализируются языковые параметры, существенные для разграничения древнерусского языка первой и второй половины XII в.

Целью данного исследования является комплексное рассмотрение языка и письма МЕ, ориентированное, с одной стороны, на уточнение датировки рукописи, а с другой стороны, на ввод в научный оборот и интерпретацию языковых фактов рукописи, значимых для реконструкции истории древнерусского языка древнейшего периода.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) дать палеографическое описание рукописи в целом и всех почерков, представленных в ней;
- 2) выявить последовательные графико-орфографические приёмы основных писцов МЕ на фоне аналогичных систем древнейших древнерусских памятников письменности;
- 3) по возможности определить уровень квалификации писцов МЕ, принципы их взаимодействия в процессе работы над созданием рукописи;
- 4) оценить состояние редуцированных гласных в МЕ;
- 5) определить, какие инновации в области грамматики свойственны языку памятника, и сопоставить МЕ по этому параметру с другими рукописями XI–XII вв.

Методологической основой исследования является описание и лингвистическое комментирование языковых данных МЕ. При анализе языка рукописи во многих случаях приводятся статистические данные как в рамках

самого МЕ, так и в сопоставлении по определённым языковым параметрам с другими древнерусскими рукописями XI–XII вв. Указанная методика позволила произвести отбор и систематизацию наиболее значимых для истории русского языка языковых данных и на их основе решить проблему уточнения датировки рукописи XII в.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в научный оборот вводится новый языковой материал недостаточно исследованной древнерусской рукописи, уточняется ее датировка, а также совершенствуются традиционные методы лингвистического и палеографического описания письменных памятников древнерусского периода.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материал и выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории русского языка древнейшего периода, а также в практике преподавания исторической грамматики русского языка и истории русского литературного языка.

Научная новизна реферируемой работы состоит в том, что языковые данные МЕ и их место в истории древнерусского языка древнейшего периода, рассматриваются в комплексе и с учётом уточнений датировки рукописи. Кроме того, работа существенно пополняет объём языкового материала рукописи по сравнению с ранее введённым в научный оборот.

Положения, выносимые на защиту:

1. В создании МЕ участвовали 3 писца (писцы А, Б, Г); писцу Г, ранее не отмечавшемуся в описаниях рукописи, принадлежит незначительный по объёму текст; почерки ещё 2 других писцов (писцы В, Д) присутствуют в рукописи, являясь более поздними добавлениями;

2. Почерки писцов, участвовавших в создании МЕ, не имеют инновационных палеографических черт, выходящих за рамки палеографии древнерусских рукописей XI – начала XII вв.

3. Писец А имеет более сложную графико-орфографическую систему, чем писец Б: ему свойственно активное использование принципа упорядочения дублетных написаний на графическом, орфографическом, фонетическом и морфологическом уровнях; в ряде случаев отмечается влияние его системы написаний на письмо писца Б в начале переписанного им текста

4. В некоторых случаях правило, по которому писец А упорядочивает написание языковых дублетов (написание неполногласных сочетаний, оформление флексии ТП ед. муж. и сред. родов, не/стяжённых окончаний членных прилагательных), опирается на достаточно архаичные языковые параметры; это косвенно свидетельствует о возникновении такого правила не позднее середины XII в.

5. Написания МЕ отражают стадию падения редуцированных, наблюдаемую в древнейших восточнославянских рукописях: наблюдаемые пропуски еров и случаи их прояснения в качественном и количественном

отношении сопоставимы с данными отдельных древнерусских рукописей XI – первой половины XII вв.

6. Наблюдаемые в МЕ инновационные формы субстантивного склонения, связанные с унификацией его типов, а также случаи вариативности в написаниях глагольных форм 3 лица (имперфекта, аориста, настоящего времени) не выходят за рамки процессов, наблюдающихся в древнерусских памятниках XI–XII вв.

7. Совокупность проанализированных в работе языковых данных МЕ позволяет рассматривать его как рукопись, созданную не позднее середины XII в.; ранняя датировка памятника, основанная на анализе его языка, даёт дополнительное подтверждение гипотезе В. Л. Янина о принадлежности МЕ рукописям, созданным в Лазаревском скриптории, и о тождестве писца А МЕ и писца, участвовавшего в написании новгородских миней конца XI в.

Апробация работы. Части работы, посвящённые отдельным языковым категориям МЕ, были представлены в докладах на XLII и XLIII Международных филологических конференциях в Санкт-Петербурге (2013 и 2014), VII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 2013), Международной конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVIII» (Санкт-Петербург, 2014).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырёх глав, Заключение и Приложения, включающего в себя снимки рукописи с образцами всех почерков, представленных в ней.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** даётся обзор основных этапов в истории исследования МЕ. Выделяется 2 основных группы исследований, использующих материал рукописи. Одна группа работ посвящена сложному и не получившему на сегодняшний день окончательного решения вопросу о датировке памятника. Эволюцию взглядов исследователей на время создания памятника можно описать как постепенный отказ от поздней датировки (1215 г.), предложенной И. И. Срезневским и отнесение МЕ к памятникам XII в. Исходя из разных критериев, учёные по-разному локализуют время создания МЕ в рамках XII в. Ко второй группе работ относятся исследования, использующие материал МЕ в качестве иллюстраций тех или иных процессов в истории древнерусского языка. Отмечается недостаточное внимание авторов второй группы работ к проблематике, обсуждаемой в работах первой группы: в большинстве случаев авторы обращаются к МЕ как к рукописи начала XIII в.

Глава 1 – «Палеографическое описание МЕ» – содержит 2 раздела. В первом разделе проводится общий кодикологический обзор рукописи. В его ходе описываются сохранность тетрадей, принцип разлиновки, особенности расположения текста на странице, орнаментация в МЕ.

Второй раздел посвящён анализу палеографических особенностей почерков МЕ. Устанавливается, что существующие описания МЕ содержат

неточные сведения о количестве писцов рукописи. Помимо двух основных почерков, отмеченных ранее (писцы А и Б), в тексте МЕ дважды – на л. 93 и 95 – наблюдаются вкрапления третьего почерка (писец Г). Кроме того, в рукописи присутствуют небольшие части текста, переписанные двумя другими писцами (писцы В и Д), но не одновременные её созданию. Писцы В и Д вписали заголовки чтений от Луки (л. 77об) и от Марка (л. 121).

При рассмотрении палеографических особенностей отдельных почерков МЕ, отмечается их архаичность и отсутствие инноваций, свойственных рукописям конца XI–XII вв. Яркой архаичной особенностью обоих основных почерков является последовательное написание буквы *w* с высокой серединой. Начертаниям писцов МЕ также свойственно расположение посередине строки перекладин букв *n*, *н*, *ю* и соединительного элемента букв *ia*, *ю* и отсутствие разбухания нижних петель букв *б*, *к*, *ъ*, *ь*, *ѣ*.

Писец А оперирует большим по сравнению с другими писцами набором графем; в том числе в его письме отмечено единственное в МЕ употребление графемы *ѣж*, характерной в основном для древнерусских памятников XI в.

На основании палеографического сопоставления почерков писцов А и Б делается предположение, что писец Б был менее опытным и выполнял работу под руководством писца А. При более небрежной манере начертаний писец Б допускал при переписывании многочисленные опiski, которые сам же исправлял, затирая неправильно написанные буквы.

Почерк писца Б содержит характерную, заслуживающую внимания черту – ограничительные штрихи в верхней части строки. Предлагается гипотеза, объясняющая причины наличия в написаниях писца Б этого дополнительного графического элемента. При учёте его, по-видимому, небольшого опыта письма на пергамене представляется возможным рассматривать употребление верхних ограничительных штрихов как писцовый навык, усвоенный писцом Б при письме путём процарапывания букв (на бересте, на воске) и по неопытности применяемый при письме на пергамене. Это предположение подтверждается последовательным сопоставлением графем писца с данными палеографических таблиц, составленных по материалам берестяных грамот А. А. Зализняка (Янин, Зализняк 2000: 134–429).

По данным палеографических таблиц А. А. Зализняка, употребление нефункциональных графических элементов в берестяных грамот эволюционирует на протяжении XII в. В первой половине столетия нижние засечки на буквах при активном использовании соответствующих верхних элементов употребляются крайне редко (так же, как и у писца Б), в то время как во второй половине XII в. нижние засечки начинают использоваться в почерках берестяных грамот с той же частотностью, что и верхние. К комплексу нижних нефункциональных элементов по хронологии своего возникновения и развития в берестяных грамотах примыкают также такие палеографические признаки, как засечка на язычке у *є* и верхняя засечка у буквы *ѣ*. Характерно, что оба этих элемента отсутствуют и в начертаниях писца Б. Верхние

покрытия и в берестяных грамотах, и в почерке писца Б не употребляются в графеме ρ.

Корреляция палеографических особенностей второго почерка МЕ с палеографией берестяных грамот поддерживается и в отдельных особенностях набора графем, употребляемых писцом Б и писцами берестяных грамот XII в. Крайне редкое использование в грамотах XI–XII вв. графемы њ соответствует её отсутствию у писца Б (при активном использовании писцом А). Так же, как и писцы берестяных грамот, писец Б употребляет букву ш (вне диграфа ѡ) исключительно в имени ншанъ.

Таким образом, сопоставление данных палеографии писца МЕ и берестяных грамот даёт дополнительный косвенный аргумент в пользу создания МЕ в первой половине XII в. Почерк с описанными особенностями использования неконструктивных штрихов возможен и в позднейших берестяных грамотах, но существование его до середины XII в. более вероятно.

Особенность расположения на л. 93 текста писца Г показывает, что, как и писец Б, он писал под руководством писца А. В рукописи вверху листа виден полустертый текст, выполненный почерком писца Г, который написан в один столбец (вместо двух). Видимо, новый писец, приступив к работе, не учел, что нужно писать в два столбца. Текст был затерт, при этом в левом столбце поверх стертого писец А своей рукой написал для примера две строки.

Рассмотрение палеографических особенностей писцов В и Д показывает, что они участвовали в восполнении недостающих заголовков чтений в МЕ неодновременно. Первый имеет типичные особенности того же периода, что и два основных почерка – XII в., в то время как второй демонстрирует основные особенности следующего периода – XIII в. Почерку писца Д свойственны: середина ш низкая, верх закрытый; нижняя часть буквы ж меньше, чем нижняя; перекладина в н отходит от верха левой мачты и идет почти до середины правой; перекладина н также завышена; нижние петли букв в, з, ь, ѣ угловатой формы и поднимаются до середины строки и выше (особенно у з). По всем основным признакам палеография письма писца Д оказывается противопоставленной палеографии всех остальных писцов МЕ.

Глава 2 – «Графико-орфографические особенности писцов МЕ» – включает в себя 5 разделов. Первый из них посвящён рассмотрению встречающихся в МЕ описок, второй, третий и четвёртый – описанию индивидуальных графико-орфографических систем писцов и пятый – особенностям отражения в системах писцов рефлексивных цоканья.

При рассмотрении описок писцов МЕ материал рукописи систематизируется в соответствии с классификацией типов описок, предложенной О. В. Малковой (Малкова 1979). Выделяется 3 основных типа описок: пропуски, вставки и замены элементов текста.

Из примерно 460 описок, отмеченных в тексте МЕ, большая часть (почти половина – 210 примеров) закономерно относится к текстовым

пропускам. Но в отношении объёма пропущенного текста на фоне обследованного О. В. Малковой Галицкого евангелия 1266–1301 гг. отмечается необычная частотность пропусков больших отрезков текста (длиной больше одного слова). В МЕ выявлено 56 контекстов с пропуском синтагм разного объёма, из которых только 2 (!) были исправлены писцами (вписаны на полях). Говорить о сознательной редактуре текста в данном случае нельзя. Рассмотрение примеров показывает, что в большинстве случаев – для 41 примера из 56 – можно говорить о гаплографии. Во многих примерах текстовая лакуна заканчивается словоформой, иногда – грамматически идентичной, иногда – просто сходной в написании, ср. мѣрь / оумреть, с конечной словоформой текста, предшествующего лакуне. В 4 примерах лакуна начинается со словоформы, тождественной или сходной с начальной словоформой последующего текста.

Пропуски текста свойственны преимущественно писцу А (52 примера из 56). Это может быть обусловлено меньшей внимательностью писца А при переписывании и, соответственно, большей скоростью его письма. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что МЕ, скорее всего, создавалось в достаточно короткие сроки: скорость переписывания была непривычной даже для опытного писца А, допустившего столько лакун. Это в свою очередь может объяснить позднюю датировку МЕ И. И. Срезневского: при общем просмотре памятника устав Домки, писавшего в некоторой спешке, вполне может произвести впечатление почерка начала XIII в.

Это наблюдение подтверждается и большим процентом неисправленных пропусков одной или нескольких букв (41 из 77) и целых слов (65 из 77). При этом пропуск букв и слов свойствен писцам А и Б примерно в равной степени.

Помимо описок-вставок отдельных букв у писца А выделяются характерные вставки синтагм (6 раз). Они связаны со смешением текстуально близких чтений из разных евангелистов (все примеры – в Евангелии от Матфея). Можно предположить, что эти специфические вставки имеют ту же причину, что и частый пропуск синтагм писцом А.

Возможно, с устранением вставок (или замен) связано специфическое для писца Б большое количество затираний в тексте (67 примеров).

Ошибочные написания, связанные с заменой, отмечены в 129 примерах: 113 из них принадлежат писцу А, и 16 – писцу Б. Только четверть неправильных написаний замечена и исправлена самими писцами (это вдвое низший процент исправлений, чем в обследованном О. В. Малковой Галицком евангелии).

Примеры замен, связанные с антиципацией/постпозицией в совокупности составляют половину всех описок-замен, что заставляет критически относиться к нестандартным написаниям в МЕ, появление которых можно отнести к результатам описки данного типа. Особое внимание в этом отношении обращает на себя пример: .. ѹюдеса·/ ако .. 54в. Форма приводится А. И. Соболевским как пример необычной флексии

слова **чюдо** в РП ед. склонения на **-es* (Соболевский 1907: 177). Однако при наличии в следующем слоге буквы **ѡ** этот случай можно с уверенностью считать опиской.

Разделы Главы 2, посвящённой индивидуальным графико-орфографическим системам в МЕ, начинаются с описания правил распределения омонимичных графем у каждого из писцов.

Правила, по которым у писца А распределяются омонимичные графемы, можно разделить на 3 группы. В 1-й группе употребление той или иной буквы зависит от позиции начала слога (это пары **ѣ** - **е**, **ѡ** - **ѡ**). Во 2-й группе - от того, находится ли буква на конце строки, сюда относятся графемы **оу** - **ѡ** - **ж**, **н** - **и**, **о** - **ш**. Отдельно (3-я группа) стоит пара графем **ф** - **ѳ** (сюда же можно отнести редко встречающееся в тексте использование буквы **ѳ**, омофоничной сочетанию **кс**), употребление которых зависит от того, в каких лексемах они употребляются. Последовательность соблюдения данных правил в трёх группах разная. Даже для каждой пары (тройки) омографем есть разница в строгости соблюдения правил их распределения писцом А.

У писца А наблюдается формирование древнерусской системы дифференцированного написания графем **ѣ** - **е**, **ѡ** - **ѡ**. Формирование этой системы ещё не завершено. Писец А не употребляет (за единичными исключениями) йотированные буквы после согласных, но при этом он не до конца рукописи строго выдерживает их написание в начале слога. Древнерусское распределение в паре **ѡ** - **ѡ** в целом выдерживается последовательнее.

При этом МЕ даже при максимально последовательном новом употреблении этих пар графем (в начале текста) всё же содержит явные элементы южнославянской системы. Для всего текста рукописи неизменно характерно употребление буквы **ѣ** в начале слога в словах **нѣрѡмъ**, **(арх)ієрен**, **ѣѡлне** и других грецизмах, а также в частице **єн**. Эти следы древней южнославянской орфографической системы говорят о незавершённости формирования древнерусской системы написания йотированных букв в системе писца А.

В употреблении графических дублетов **оу** - **ѡ** - **ж**, **н** - **и**, **о** - **ш** писцом А наблюдается общая тенденция выделения конца строки. В первую очередь это характерно для наиболее частотной первой группы - **оу** - **ѡ** - **ж**, хотя и в этом случае наряду с базовым писец использует дополнительные орфографические правила употребления маркированного дублета **оу** - **ж**. Так, исключительно через **ж** в любой графической позиции пишутся в первом почерке МЕ формы слова **сѡботѡ**. Однако и в позиции конца строки заметна тенденция к стандартизации написания отдельных морфем. Например, сознательно, по-видимому, писец не пишет через **ж** корень **-рѡк-**, даже если гласный в нём приходится на конец строки. Ещё заметнее выделение форм ДП на **-моу**, приходящихся на конец строки, с помощью **ж**.

В отношении графемы 8 писец А демонстрирует отсутствие чётких критериев её употребления.

Актуальность для писца А графемы ж, её гораздо бóльшая активность, чем 8, применение дополнительных мнемотехнических правил при написании ж на конце строки на фоне употребления этой группы дублетов в памятниках XI – начала XII вв., с одной стороны, и более поздних, с другой стороны, говорит о близости МЕ к первой группе памятников.

В парах дублетов н - 'i, о - ш их маркированные члены (i, ш) также имеют дополнительные функции помимо выделения конца строки. Дублет 'i кроме позиции без диакритики постоянно пишется в имени іѣ; с диакритикой он может использоваться в позиции графической диссимилиации, в заимствованиях и для экономии места в строке. Буква ш в целом малоактивна в позиции конца строки (49 примеров из 116). Заметно её разное поведение в корнях и аффиксах. Из написанных через ш аффиксов на конец строки приходится больше половины (37 из 60), а корней – только около четверти (15 из 56).

Употребление буквенных дублетов у писца Б менее развёрнуто и при их использовании выглядит непоследовательно копируемым употреблением писца А, что подтверждает руководящий статус писца А в работе над МЕ.

И десятиричное применяется писцом Б без кендемы в имени іѣ, а с кендемой появляется, как и в системе писца А, на концах строк, но только на первых 4 листах его текста. В дальнейшем писец перестаёт пользоваться этим, по-видимому, сложным для него орфографическим приёмом. Букву ж писец Б не использует, но буква ѣ у него функционирует по тем же правилам, что и ж – у писца А.

При рассмотрении написаний а/ѧ, оу/ю после шипящих и ц отмечается разница в употреблении писцов А и Б. За единичными исключениями писец А противопоставляет написания перед /a/ и /u/. Перед /a/ он придерживается традиционных написаний (ша, ца, жа, ча, ца), а перед /u/ предпочитает написания нового типа (шю, цю, жү, чю, цю). У писца Б оппозиция опирается на согласный слога. В его орфографической системе с единичными отклонениями наблюдается противопоставление написаний: ша/шоу, ца/цоу, жа/жоу, но ча/чу, ца/цю.

Группа написаний рефлекса *dj орфографически оформляется обоими основными писцами МЕ равномерно. Южнославянский и древнерусский рефлекс на письме соотносятся как 10% и 90 % (19/170 раз – у писца А и 2/18 раз – у писца Б). Лексемы с рефлексом *zg перед *j и гласными переднего ряда встретились только в первом почерке. Писец А последовательно оформляет их через жд и только 1 раз допускает диалектизм: ѡдъ жгн 110б.

При оформлении рефлексов *tert, *telt в двух почерках МЕ совпадает общая тенденция: преобладающее большинство корней последовательно пишутся с ѣ. Совпадает также и общая стратегия лексикализации написаний

отдельных слов через ϵ . Так, писец А, даже если он в одном и том же корне использует оба написания, то закрепляет их за разными приставочными/суффиксальными вариантами (срѣд-/посередѣ, вѣрѣци-/поврѣци-, дрѣвн-/древл-, облѣци-/прѣвлѣци-).

У писца Б подобная закреплённость наблюдается в области приставок: ϵ последовательно используется при написании приставок *прѣ-*, *прѣдѣ* и в наречии/предлоге *прѣже*. С этой группой написаний, по всей видимости связана орфографическая аномалия второго почерка МЕ – безразличное оформление приставки *прн-* с помощью вариантов *прн-* и *прѣ-* (из 112 встретившихся примеров приставки *прн-* в 53 случаях (47%) писец Б пишет её в виде *прѣ-*). Аномальность подобного употребления писца МЕ сохраняется даже на фоне других рукописей XI–XII вв., в которых наблюдается смешение приставок *прѣ-/прн-*. Писец Б смешивает не приставки *прѣ-/прн-*, а только буквы *н/ѣ* при написании приставки *прн-*. В работе высказывается гипотеза, что описанная аномалия в орфографической системе писца Б возникла вследствие гиперкоррекции. Начиная с л. 52 в его письме перестают встречаться случаи замены приставки *прѣ-* > *прн-* (при наличии 3 примеров в предшествующем контексте). Вероятно писец, встречаясь с неправильным написанием протографа, делает замену *прн-* > *прѣ-*. Имея установку устранять неэтимологические написания приставки *прн-* в протографе, связанные с семантической близостью приставок *прѣ-/прн-*, писец Б, видимо, в силу своей недостаточной квалификации по ошибке «устраняет» и этимологические *прн-*.

В МЕ не наблюдается разницы в адаптации южнославянских написаний с *рѣ* и *лѣ*. Это можно рассматривать как архаичную черту письма МЕ при учёте дальнейшей истории орфографии этих сочетаний: уже в памятниках XII в. *ѣ* после *р* начинает активно заменяться на ϵ во всех морфемах (Живов 2006 (1999)).

Помимо рефлексов **tert/*telt* замена *ѣ*> ϵ в МЕ наблюдается также в формах Д/МП *тѣбѣ*, *себѣ*. У писца А личное местоимение второго лица пишется как *тѣбѣ* в 22 примерах, но вдвое чаще – 41 раз – она пишется *тѣбѣ*; возвратное местоимение в виде *себѣ* употребляется 37 раз, а в виде *себѣ* только 14, т.е. примерно в 2,5 раза реже. Дважды встречается и обратная замена ϵ > *ѣ* в форме РП ед. *себѣ* в одинаковом контексте. У писца Б соотношение написаний для обоих местоимений однородно, в отличие от употребления писца А. В Д-МП форма *тѣбѣ* пишется с ϵ 3 раза и только 1 раз с *ѣ*. Форма *себѣ* встречается 4 раза с ϵ и так же 1 раз с *ѣ*.

В оформлении рефлексов сочетаний типа **t̃rt* у двух основных писцов МЕ нет резкого контраста. У писца А встретилось 406 словоформ с рефлексами **t̃rt*, **t̃rt*, **t̃lt*. Из них с ером перед плавным (древнерусский рефлекс типа ЪР) написано 170 примеров (42%), с ерами по обе стороны согласного (второе полногласие, ЪРЪ) – 232 примера (57%), а с ером после

плавного (южнославянский рефлекс РЪ) – только 3 примера (ок. 0,75%). Кроме того, в 1 случае (ок. 0,25%) зафиксировано написание без еров.

Употребление конкурирующих вариантов ЪР и ЪРЪ регулируется тенденцией к лексикализации написаний отдельных корней. У писца А она, хотя и не носит всеохватный характер, хорошо просматривается. Из 38 лексем у писца А только в одноеровом написании используются 12: *сѣмьрт-* (13 раз), *сквьрн-* (6), *твьрд-* (6), *сърд-* (5, чаще – титловые написания), форма перфекта *-мьрл-* (3), *пърс-* (2), *сърп-* (2), *уьрн-* (1), *кърм-* (1), *уьрт-* (1), *вьртып-* (1) и *с്മьрд-* (1). Ещё у двух корней (*уєтвьрт-* и *мьртв-*) на фоне преимущественного ЪР полногласный вариант появляется на конце строки (это может быть дополнительным аргументом в пользу гипотезы В. М. Маркова о влиянии живых фонетических условий на написания конца строки).

Не встречаются с ЪР написанием 8 лексем с сочетанием **tbrt*: *дърьж-* (13 раз), *уьръв-* (6), *кьръвьн-* (5), *дърьз-* (5), *мьрьз-* (4), *уьрьм-* (2), *църькьв-* (1) и *кьрьтоград-* (1); и 7 лексем с сочетанием **tbyt*: *мьльк-* (12), *дъльг-* «долг» (12), *дъльг-* «длинный» (6), *тъльк-* (5), *(об)въльк-* (3), *мъльв-* (1), *въльк-* «волк» (1). К этой группе можно добавить лексемы с единственным одноеровым написанием: *търьжнщ-* (6 раз), *кьръх-* (6), *зърьн-* (4). Всего же 34 из 49 лексем в орфографической передаче писца А можно считать устойчивыми в написании.

На примере корня *-кьрг-* можно наблюдать локальное орфографическое правило писца А: написание *-кьрг-* он использует как маркированное, обозначая преимущественно его модификацию *-кьрз-*, а написание *-кьръг-* остаётся немаркированным и применяется им в большинстве случаев (как и в целом двуеровые написания используются им чаще).

Писец Б в противоположность писцу А использует написания типа ЪР чаще, чем двуеровые (39/26 раз), а также несколько активнее пользуется «болгарскими» написаниями (4 раза). Сравнительно небольшое количество примеров в МЕ₂ не даёт возможности сделать определённые выводы о лексикализации написаний редуцированного с плавным.

Последними в рамках описания графико-орфографических систем писцов в диссертации рассматриваются написания флексии ТП ед. муж. и сред. рода. На данном участке у двух основных писцов МЕ наблюдается характерная разница в выработке орфографической стратегии. Писец А стремится задействовать все, имевшиеся в период создания рукописи, варианты написания данной флексии и упорядочить их, а писец Б пользуется упрощённой системой.

Писец А выстроил свою систему, отталкиваясь от морфологического фактора – типа склонения, к которому принадлежит лексема. За словами древних типа склонения на **o* он закрепляет варианты написания флексии *-ъмь/-ъмъ*, на **jo* – *-ъмь*, на **es* – *-омь/-омъ* (без наращения основы) и

-*ѣмь*/*-ѣмъ* (с наращением), на **en*, **i* – вариант *-ьмъ* и за разносклоняемыми – вариант *-ѣмъ*.

Немногочисленные отклонения от базового распределения в основном обусловлены действием дополнительных факторов. Вариант *-омь*/*-омъ* также используется в существительных с основой на *χ* (вероятно, действие графической аналогии с флексией аориста 1 л., мн. ч.); вариант *-ьмъ* отмечен дважды в лексеме **jo корабль*, которая с другим вариантом флексии не встречается (лексический фактор). Единичные употребления отдельных лексем **o*-склонения с вариантом *-омь*/*-омъ* встретились в основном (5 из 7) уже на последних 10 листах рукописи, когда писец А мог несколько изменить орфографическую установку (при этом действие лексического фактора формально не нарушается).

Вариант *-ьмъ* был выбран писцом для склонений на **en*, **i*, видимо, по причине того, что флексия ДП мн. в них выглядит одинаково – как *-ьмъ*. Учитывая, что в болгарских текстах (или в древнерусских списках XI в., копирующих болгарскую норму) для существительных муж. и сред. рода склонения на **o/jo* во многих случаях – при частом написании ТП ед. с *ъ* на конце (Селищев 1951: 300) – наблюдается флексия ТП ед. = ДП мн. (*-омъ*/*-ѣмъ*), писец А применяет данный принцип к словам склонений на **en*, **i*, синтезируя искусственное окончание *-ьмъ* в ТП ед., совпадающее с ДП мн. По тому же принципу писец, очевидно, использует в ТП ед. флексию *-ѣмъ* для разносклоняемых существительных, в которых в ДП мн. уже в старославянских памятниках преобладал вариант *-ѣмъ*.

При раннем смешении древних типов склонения в древнерусском языке, ориентация писца А на данный параметр при написании флексии со сложной орфографией может служить свидетельством относительно раннего создания рукописи, когда процесс смешения древних типов склонения только начинался и их различие помогало писцу разграничивать дублетные написания окончания ТП ед.

Писец Б пользуется только двумя вариантами окончания ТП ед. – *-ьмь* и *-ьмъ*. Варианты *-ьмь* и *-ьмъ* использованы по 1 разу в пределах первых 3 листов второго почерка и, по всей видимости, связаны с попыткой копировать систему написаний писца А. Этимологически правильное написание флексий ТП ед. в ME₂ стало возможным, по всей видимости, благодаря тому, что писец Б отказался от попытки интегрировать в свою орфографическую систему «книжные» варианты написания той же флексии – *-омь*/*-омъ* и *-ѣмь*/*-ѣмъ*. Последовательное написание *ь* на конце окончания должно быть связано с ориентацией писца Б на какой-то устойчивый критерий. В данном случае им могло быть реальное произношение окончания, т.е. написания писца Б на фоне системы написаний писца А могут служить свидетельством того, что конечный гласный флексии ТП ед. не выпал (иначе наблюдались бы колебания в написании).

Малый объём текста, переписанный писцами В, Г и Д не позволяет дать подробное описание их графико-орфографических систем.

Писец В по ряду параметров совпадает с писцом Б (отсутствие йотированных графем, использование ψ).

Писец Г заметно отличается от других писцов употреблением графемы г – последовательным в позиции графической диссимиляции. Насколько можно судить, не совпадает с наблюдаемой у других писцов система написания слогов с шипящими и ψ : можно отметить выделенность единичного написания жл на фоне отмеченных $\psi\text{л}$ (3 раза), шл (2) и $\psi\text{оу}$ (1).

Орфография писца Д содержит свидетельство более позднего характера его записи. Единственный раз зафиксированная лексема со звуком /u/ оформляется не через диграф, а с помощью монографа ψ : $\text{л}\psi\text{ка}$ 121б.

Написание рефлексов цоканья в последнем разделе Главы 2 анализируется с опорой на систему трёх базовых правил, сформулированную В. М. Живовым (Живов 1986 (2006)).

Из 3306 случаев написания графем ψ и ψ только 88 из них (2.66%) написаны не в соответствии с этимологией. При этом между писцами А (1.77% неправильных написаний) и Б (8%) наблюдаются заметные различия в доле ошибочных написаний, обусловленные, видимо, разным уровнем их квалификации.

Данные по ошибочным написаниям писца А представлены в Таблице 1: Таблица 1. Написания аффрикат у писца А¹

	I	I'	II	III	Всего
Правильные	1700	96	501	469	2766
Неправильные	21	19	4	6	50
% неправильных	1.22	16.52	0.79	1.26	1.77

Опытный писец закономерно делает ошибки чаще всего в классе I' – против сложного правила С. При этом 14 из 19 ошибочных написаний в классе I' обусловлены действием единой тенденции – стремлению к стандартизации написания морфемы (корень $-\text{конь}\psi-$, суффикс $-\text{нн}\psi-$). Ошибки в классе I против простого правила В также поддаются группировке: они обусловлены действием дополнительных возмущающих факторов (графических клише – $-\text{о}\psi-$ под воздействием $\text{о}\psi\bar{\psi}$, стечение нескольких орфограмм в словоформе).

Второй почерк МЕ даёт такое распределение ошибок по классам:

Таблица 2. Написания аффрикат в МЕ₂

	I	I'	II	III	Всего
Правильные	312	11	69	45	437
Неправильные	15	2	8	13	38

¹ I – рефлексы этимологического * ψ вне условий III палатализации (правило В); I' – рефлексы этимологического * ψ в условиях III палатализации (правило С); II – рефлексы II палатализации (правило А); III – рефлексы III палатализации (правило С) (Живов 2006 (1986): 109).

% неправильных	4.59	15.38	10.39	22.41	8
----------------	------	-------	-------	-------	---

У писца Б процент ошибок закономерно больше в классах I' и III. Однако рассмотрение конкретных примеров показывает, что писец Б владеет правилами А, В и С чуть ли не в обратном соотношении по сравнению с той картиной, которую дают процентные соотношения в разных классах написаний. Все ошибки в III классе исчерпываются (!) устойчивым (хотя и этимологически неверным) написанием существительного *оѣѣ*, т.е. по сути ошибками не являются. А вот против простых правил А и В (классы I и II) писец Б допускает действительные ошибки.

Данные МЕ показывают, что для упорядочения написания аффрикат новгородские писцы могли пользоваться достаточно сложной системой разнородных правил, не ограниченной тремя базовыми. Эти конкретные правила, используемые, вероятно, менее опытными писцами, могли быть при этом эффективнее базовых, о чём свидетельствует сопоставление ошибок в III классе писцов А и Б.

Глава 3 – «Состояние редуцированных гласных в МЕ» – содержит 6 разделов. В первом – вступительном – показана значимость, которую исследователи, занимавшиеся проблемой датировки МЕ, придают анализу состояния редуцированных в памятнике. Показано, что в работе Е. Закшевского, специально посвящённой такому анализу (Закшевский 1986), многие из приведённых данных неточны, а иногда и ошибочны, приводятся без разграничения по писцам рукописи. Это делает необходимым повторное исследование состояния редуцированных в памятнике.

Написания еров рассматриваются в составе разных морфем по отдельности. Корни (а также ряд наречных лексем, традиционно рассматривающихся при описании редуцированных вместе с корнями) в МЕ можно по написаниям с ерами разделить на 3 разряда. 1-му разряду (*кѣнѣз-*, *мѣног-*, *тѣкъмо*, *пѣт-*, *-къто-*, *рѣпѣт(атн)*) свойственно преобладающее написание с пропуском редуцированного. В лексемах 2-го разряда написания с пропуском и без пропуска редуцированного являются, по-видимому, одинаково допустимыми: *мѣнѣ* (*мѣною*), *вѣс-* (*omnis*), *вѣс-* (*vicus*), *кѣннг-*, *-мѣн-*, *-ѣто-/-ѣсо-*, *кътомоу*. И 3-й, самый многочисленный разряд составляют корни, для которых написание с редуцированным можно считать основным для писцов МЕ: *сѣп-*, *донѣдѣжѣ*², *пѣс-*, *алѣк-*, *зѣл-*, *-пѣр-*, *дѣв-*, *гѣн-*, наречия на *-жѣдо*. Небольшим числом примеров представлено допускающее пропуск буквы редуцированного наречие *онѣдѣ*.

При этом последовательно с редуцированным в МЕ пишется ряд корней, допускающих пропуск еров уже в древнерусских рукописях XI в.: *ѣт-* (12 примеров), *пѣшѣнц-* (6 примеров), *тѣл-* (6 примеров), *зѣв-* (более 50 примеров), *сѣл-* (более 65 примеров).

² В МЕ данное слово встречается исключительно в таком написании, т. е. с меной ѣ > ѣ.

Между двумя писцами МЕ наблюдается заметная количественная разница в количестве основ с пропуском (23 у писца А и 14 у писца Б). При учёте только собственно корневых морфем соответствующие данные выглядят как 19 у писца А и 11 у писца Б. Таким образом, по количеству корневых морфем с пропуском **ъ/ь** писец А не превышает показателей отдельных рукописей XI в., а материал писца Б находит соответствие в большинстве рукописей XI в. (Колесов 1964: 37, Таблица 6). Меньшее количество корней с пропуском у менее опытного писца Б лишний раз подтверждает орфографический характер данного явления в памятнике в целом: писец Б менее уверенно использует параллельные безъеровые написания, чаще опираясь на живое произношение с **/ъ/**, **/ь/**, чем более опытный писец А, освоивший обычный для древнейших рукописей круг книжных написаний корней.

Тем не менее при сопоставлении данных двух писцов прослеживается и орфографический характер написания с редуцированным для определённых корней. При написании местоименного корня **вѣс-** писец А использует орфографическое правило для упорядочения вариантов **вѣс-/вс-**, из которых **вѣс-** является книжным и не соответствующим произношению. В 60 из 62 примеров словоформ данного корня, содержащих **ѣ** (**вѣсѣхъ**, **вѣсѣмъ**, **вѣсѣмь**, **вѣсѣмн**) писец выбирает вариант корня с ерем. В словоформах, не имеющих **ѣ**, писец допускает более свободное варьирование вариантов написания корня. В то же время писец Б последовательно пишет данный корень с пропуском редуцированного – 40 раз, и только 4 раза (3 из них – на конце строки) – с **ь**. Книжным вариантом корня – **вѣс-** – писец Б не пользуется в том числе и в прямых падежах, допуская написание **всѣ**, передающее его диалектное произношение данной лексемы (Колесов 1980: 110; Попов 2004: 244).

Объём пропусков букв редуцированных в МЕ в корнях позволяет объединить его по данному параметру с древнерусскими рукописями XI – начала XII вв.

Основная часть пропусков **ь** в суффиксах – 17 из 26 – в МЕ происходит после **р** (19 из 26 – после сонорных), т.е. условиях, благоприятствующих наиболее ранней утрате еров в старославянском языке, и может быть признана традиционными. Полный же список составляют следующие примеры: **вѣ цѣсарствнѣ** 15а (х2), **жърчѣмъ** 23а, **жърцн** 23а, **вѣ моучнахъ сатахъ** 33г, **нѣвѣрнъ** 41г, 149б, **вѣрнъ** 73а, 122г, **вѣрнън** 102г, **вѣрнѣ** 73а, 112б, **вѣрнн** 123а, **сѣ нѣвѣрнъннмн** 103а, **земннн** 46б, **старцн** 48а, 138б, **старчѣска** 74б (ВП мн.), **ѡвца** 93г (ВП мн.), **кѣ ѡвцамъ** 129б, **сѣ соупърннкъ/мъ** 103г, **сѣхра /нно** 138а, **кнн/жннкъ** 92б (РП мн).

Традиционность написаний видна в закреплённости написания суффикса с пропуском за конкретной лексемой: в 9 случаях из 14 при в суффиксе **-ьн-** пропуск относится к основе **вѣрьн-**. Характерно, что при выборе написания **вѣрьн-/вѣрн-** между писцами А и Б сохраняется то же

различие, которое наблюдается при пропуске еров в корнях. Писец А пишет данную основу с редуцированным трижды: **нѣвърь/нъ** 101б, **върьнъ** 112б, **върь/ннѣ** 123а, и только 1 раз из них – не на конце строки, т.е. написание **върн-** для него – преобладающее. Писец Б напротив, пропустив ерь в двух примерах, чаще сохраняет его на письме: **нѣвърьнъ** 47а, **върьнънѣ** 55б, **върьнъ** 73б. Это соответствует его общей орфографической стратегии выбора варианта написания с редуцированным, отмеченной для написаний еров в корнях и отражается также в целом в меньшем по сравнению с первым почерком МЕ количестве лексем, допускающих пропуск редуцированного в суффиксе.

Формы с пропусками в суффиксах у писца А вне основы **върн-** являются скопированными из протографа, поскольку находят соответствие в старославянских памятниках и не являются приоритетными для писца. Так, при 2 пропусках еря в основе **ѡвъц-** он 19 раз пишет её без пропуска, при 1 пропуске в основе **кннжъннк-** – 46 раз без пропуска и т.д.

По количеству пропусков букв редуцированных в суффиксах МЕ уступает отдельным древнерусским рукописям XI в., не отличаясь при этом от них (как свидетельствуют приведённые примеры) качественно. В этой группе написаний писцы применяют дублетные безъероые написания даже менее активно, чем в корнях.

Пропуск еров в приставках и предлогах в МЕ ограничен предложно-падежными формами: **к нѣмоу** 53а, 94в, 104г, 124г, 126в, **к ннмъ** 93в, 115г (2х), 117в, 128г, 144а, 144г, **к нѣнѣ** 127б. Закономерно этой книжной орфограммой пользуется в основном писец А (чаще употребляя вариант с ером – **къ нѣмоу** – 39 раз, **къ ннмъ** – 16 и **къ нѣнѣ** – 2), а во втором почерке она встречается единожды. Кроме того, 1 раз редуцированный пропущен писцом Б в приставке **съ-** – **въ скровъхъ** 54в. Этому написанию находится аналогия в И73, где **ъ** чаще всего пропускается в данной приставке именно перед **к** (Еленски 1960: 184).

В окончании пропуск редуцированного зафиксирован только 1 раз, в специфическом графическом контексте: **оуѣсоу мнѣсѣ** 127в. В данном случае писец А, пропустив слог с редуцированным, вписал его над строкой без **ь**, поскольку в формах глагола 3 лица перед **сѣ** пропуск редуцированного в принципе допускался древнейшей орфографической нормой.

Отдельно рассмотрены написания с **о**, **ѣ** вместо исконных **ъ**, **ь**. Тот факт, что примеры с прояснением еров в сильной позиции встречаются только у писца А, при сопоставлении с описанными особенностями пропусков еров на письме в МЕ сам по себе говорит об орфографической природе таких написаний. Писец А последовательно использует южнославянские написания слов **смокы/смоковъннца** и **скръжетъ** (ср. записанные по фонетическому принципу формы тех же слов у писца Б: **смокъвъ** 46а, 47в (ВП ед.), **смокъвъноѣ** 47г, **скръжь/тъ** 55г). Менее

последовательно та же орфограмма применяется писцом А также в основе гръзн-: гръзнѣ 86а³, но гръзны 14г; а также по 1 разу в причастии с корнем -кръв-: покровѣно 100в, и в наречии: токмо 154в.

Вторая группа примеров с написанием о, е вместо исконных љ, љ связана с графической меной этих букв. В МЕ отмечены примеры: нже прн/боудѣтѣ 4б (3 лицо, ед. ч.), а се ѹъто./ 7г (муж. р.), ра/бо можетъ 20б, зѣмѣныихъ 25в, ннѣхъ/ дхъ зълѣнше себе 30б, нзвлѣ/къше 34г, дълго оставн/ 50г (сущ., муж. р.), кльнетѣса 51г (3 лицо, ед. ч.), тькомо 70а, ѣко же/ реуетѣ 127в (3 лицо, ед. ч.), стареуемъ 143б, вѣстѣ/ бо 145г (3 лицо, ед. ч.); ср. также более редкие примеры обратной замены: нщѹ/щъ ѣтн ѣ 49а (ИП мн., муж. р.), прнкасаѣтъ са 100а (2 лицо, мн. ч.), ннкто жь/ възложъ 105а, вътъръині 130а, оусоумнтъса 154в (2 лицо, мн. ч.).

Подчёркнуты в приведённых примерах те, в которых замена может объясняться влиянием соседних слогов или словоформ, т. е. потенциальные описки. Однако можно заметить, что значительный процент приведённых примеров составляют глагольные формы наст. вр. на -тъ/-тѣ. Мена букв в достаточно узкой группе словоформ может быть обусловлена дополнительными причинами.

К перечисленным примерам можно добавить несколько глагольных форм с исправленными буквами: поѣшетъ 7в (из поѣшетѣ), ндетъ 24б (из ндетѣ), възлѣ/гоша 71б (аор., из възлѣгъша), погыкъшаго 126г (из погыкошаго), нматѣ 154в (из нмать). Путаница преимущественно в грамматических формах, отличающихся лишь буквой љ, љ/о, е (сюда можно отнести и примеры а се ѹъто./ 7г и нщѹ/щъ 49а, не объяснимые на графическом уровне), объяснима, если предположить одинаковое произношение форм типа възлѣгъша/възлѣгоша. Преобладание подобных примеров в МЕ и возможность отнести большинство других случаев мены љ, љ/о, е к ошибкам на графическом уровне косвенно подтверждает гипотезу А. А. Шахматова (Шахматов 2002 (1915): 208) о произношении љ и љ как [о] и [е] в книжном произношении XI–XIII вв.

В **Главе 4** – «Грамматические особенности МЕ» – проанализировано состояние форм именного склонения, местоименного и членного адъективного склонений, отдельные аспекты употребления глагольных форм имперфекта, аориста и настоящего времени.

Во вступительном разделе отмечается продуктивность пересмотра грамматического материала памятника, в том числе ранее введённого в науку, на фоне его более ранней датировки. Некоторые формы привлекают особое внимание, поскольку, будучи редкими для памятников домонгольского периода, позволяют соответствующим образом датировать тот или иной процесс. Так, пример из МЕ формы ВП мн на -н в м. исконного

³ Ср. обычность подобных написаний в памятниках южнославянского письма X–XII вв (Дурново 2000: 441).

окончания *-а* (*ра/бъинн* 103а) цитируется А. И. Соболевским (Соболевский 1907: 182) и в грамматике С. И. Иорданиди и В. Б. Крысько (Иорданиди, Крысько 2000: 149) в группе контекстов XIII в. При этом во втором случае приводится аналогичная форма из Изборнике 1076 г. (*мнолостъинн*), хронологически заметно изолированная от основной массы примеров. Между тем, если рассматривать МЕ как памятник начала XII в., до некоторой степени оказывается устранённым временной разрыв более чем в столетие между самым ранним подобным примером из Изборнике 1076 г. и основной группой контекстов. В таком случае оба древнейших примера влияния твёрдого типа склонения на мягкий в жен. роде будут относиться к существительным на *-ъинн*.

Отнесение МЕ к первой половине XII в. сдвигает в целом хронологию взаимодействия форм **o-* и **a-*склонений: древнейший пример такого взаимодействия находится в МЕ (*къ старѣншнн о/мъ жьрьчьскамъ*. 136б) и приводится в работе Р. Д. Шепелёвой (Шепелёва 1972: 7–8).

Процессы в именном склонении рассматриваются по отдельности в ед. и мн. числах.

В рамках ед. ч. рассматривается отражение в рукописи процесса смешения склонений на **o* и на **u*, экспансии флексий продуктивных типов склонения, взаимодействия твёрдой и мягкой разновидности **o-* и **a-*склонений.

Материал МЕ демонстрирует сохранение оппозиции **o-* и **u-*склонений. Состав флексий парадигм при этом не сохранился в исконном виде. Типы склонения противопоставлены, в частности, засчёт наличия падежного синкретизма РП=ДП=МП в **u-*склонении (= *-oу*) и его отсутствия в **o-*склонении. При этом оппозиция усиливается возможностью вариативности флексии ДП ед. (*-oу/-oвн*) в **o-*склонении и, по-видимому, единственно возможной флексией *-oу* для данного падежа в **u-*склонении. У флексии *-oвн* отчётливо прослеживается её закреплённость за именами с личным значением. Лексема *снѣ* изменяется по **o-*склонению во всех падежах, кроме звательной формы, где наблюдается конкуренция окончаний *-oу/-е*.

Вариативность в оформлении слов **en-* и **es-*основ наблюдается в МЕ в РП, ТП и МП ед. (в **er-* и **ĭ-*склонении – только в РП). Сохраняется свойственное раннедревнерусской системе противопоставление флексий РП и МП (Колесов 2009: 159): в РП основными остаются исконные флексии консонантных типов, а в МП преобладает окончание *-н* (в жен. р. единственно возможное). Исконные флексии в РП, по данным МЕ, последовательнее применяются в существительных сред. и жен. р.: в первом почерке – в жен. р., а во втором почерке в сред. р. они используются без исключений. Возможность форм без усечения по **o-*склонению, в основном в ТП, по-видимому, не свидетельствует о переходе лексем **es-*основ в другой тип склонения: обе возможные формы (ср. *тѣломъ/тѣлесемъ*) осознаются писцом частью консонантной парадигмы. Об этом свидетельствует тот факт,

что писец А сознательно выделяет обе формы средствами орфографии – специфическим вариантом написания флексии («болгарским»).

Помимо приведённого примера на влияние мягкого подтипа склонения на твёрдый в жен. р. (до сеѧ· ѿжтѣ* 77г) выявлены примеры этого процесса в муж. р.: тако радость боудеть на нѣсн ѡ ѣднномъ грѣшьннцн кающнмъса 106г; тако глѣю вамъ· радость бзываетъ· прѣдъ англы· ѡ ѣднномъ грѣшьннцн· кающнмъса 107а. Хотя в данных примерах могла возникнуть путаница, связанная с частыми в тексте евангелия формами жен. р. МП типа въ тьмьннцн, на мьтньннцн и т.п. и наличием однокоренного слова в жен. р. (грѣшьннца).

Общедревнерусские инновационные формы, связанными со взаимодействием твёрдого и мягкого подтипов, вполне закономерно свободнее проникали в язык памятника по сравнению с диалектными. В РП помимо отмеченной А. И. Соболевским формы млостъинн 145б нами отмечен ещё один пример: не дѣша ли большн іестъ пнцѣ· н тѣло ѡдеждн· (Мф 6: 25) 20в. Скорее всего, в данном контексте писец А сознательно использует не книжную флексию во избежание стечения трёх омонимичных форм – дѣша (ИП ед.), пнца (РП ед.) и ѡдежда (РП ед.). В РП слова пнца по той же причине использовано не книжное окончание -ѣ, не связанное с влиянием мягкого подтипа. Такой путь решения проблемы характерен для писца А, часто использующего дублетные написания разного типа.

Появление примера, отмеченного А. И. Соболевским, также, по-видимому, обусловлено контекстом: възнманѣте млѣтъинн вашѣѧ не творнте прѣдъ цлѣвкы (Мф 6: 1) 145б. Форма могла быть переосмыслена как ДП ед., зависящий от формы възнманѣте.

В МП пример влияния твёрдого подтипа приведён А. И. Соболевским неточно – с пропуском прилагательного: на добръ землѣ 88б. На выбор флексии -ѣ могло повлиять как раз предшествующее прилагательное твёрдого подтипа склонения. В МП выявлено ещё одно использование инновационной флексии: въ оужьннцѣ 21а. Как и в рассмотренном выше примере муж. р. (ѡ ѣднномъ грѣшьннцн), в данном случае наличие слов оужьннкъ/ оужьннца могло создавать для писца затруднение в выборе флексии -ѣ/-н. Не исключена и антиципация: в следующем в тексте слог (дѣла) также гласная ѣ.

Для именных форм мн. ч. рассматриваются процессы взаимодействия разных типов склонения, смешение форм ИП и ВП и взаимовлияние подтипов в жен. р.

В ИП привлекает внимание преобладание в разносклоняемых сущ. исконной флексии -ѣ (17 из 24). Поскольку «существительные типа мьтгарь с окончанием -ѣ представлены единичными примерами» (Иорданиди, Крысько 2000: 46), данные МЕ с преобладающим написанием -ѣ являются

достаточно архаичной чертой (исконных форм РП в МЕ для лексем на -арь, -тель не отмечено). При этом у писца Б встречается только такая флексия (5 примеров). Вариативность в ИП отмечена также в лексеме днь: кроме исконной флексии -нѣ применяется окончание -н в составе выражения днѣ тн 156в.

Можно отметить варьирование южнославянского/восточнославянского вариантов флексии в И–ВП мн. в рамках типа склонения на *ja. Предпочтительным является книжный вариант флексии (-а/-а). При этом древнерусская флексия -ѣ используется, во-первых, единичных примерах свннѣ 67а, въдовнѣ 81а; и во-вторых, является, по-видимому, предпочтительной для слова птнца (5 примеров с -ѣ и 3 – с -а), что говорит о попытке лексикализовать употребление вариантов флексии.

1 раз употреблена неисконная флексия для слова *и-склонения: до върьхъ 81б.

Отмеченная в литературе форма ДП къ старѣншннѣ/мъ (136б) также может рассматриваться как раннее морфологическое явление. Она отражает более раннюю стадию процесса смешения склонений во мн. ч., чем тенденция к унификации по *а-склонению, проявляющаяся в памятниках с XIII в.

Вариативность свойственна флексиям МП *es-склонения (в *en-склонении представлена в 3 примерах только исконная флексия -ѣхъ). Преобладает старославянский вариант флексии -ѣхъ. Но в 1 примере у писца А употреблена исконная флексия (на нѣѣхъ 111в), а у писца Б – по *о-склонению (на нѣѣхъ 63г).

От существительных *и-склонения в МП отмечена только одна форма: въ домохъ 21в. Вариант -охъ в древнерусских рукописях является архаичной чертой и может быть использован в качестве дополнительного датирующего признака.

Кроме примера А. И. Соболевского на смешение ИП и ВП мн. (градн 147б) в тексте МЕ есть ещё 1 подобная форма: лн како можетъ/ кто вълѣстн въ до/мъ крѣпъкааго./ тн съсоудн ѣго ра/зграбнтн. 29в. При ранней датировке МЕ трактовка приведённых форм не как инновационных (ср. трактовку Н. Н. Дурново – Дурново 2000 (1924): 253), а как реликтовых (ср. Иорданиди, Крысько 2000: 176) выглядит предпочтительной. Форма *jo-склонения, отмеченная А. И. Соболевским (кнѣзн 144г) также допускает трактовку, связанную не со смешением ИП и ВП мн., а с влиянием твёрдого подтипа склонения (Иорданиди, Крысько 2000: 177), проявившегося в МЕ и в других примерах, указанных выше. Кроме примера А. И. Соболевского (ра/бзынн 103а) выявлен ещё один подобный пример муж. рода в ВП мн.: н прншьдъ къ// оученномъ видѣ/ народъ много ѡ нн/хъ. н кзынгъунн./ сътажающеса съ/ нмн 122а-б. Форма кзынгъуннѣ,

возможно, переосмысленная в данном контексте как ИП мн., тем не менее является результатом воздействия твёрдого типа склонения.

Рассмотрение инновационных форм именного склонения в МЕ показывает, что они вписываются в рамки процессов, наблюдающихся в древнерусских памятниках XI–XII вв. Примеры, свидетельствующие о смешении И–ВП мн. ч. являются неоднозначными, что ставит под сомнение отражение в МЕ данного явления.

Обследование форм адъективного склонения в МЕ на предмет использования местоименных флексий показывает, что они используются редко, как менее предпочтительные варианты и относятся к местоименным прилагательным *каторзѣнѣ*, *дрогзѣнѣ* и прилагательному *чюждѣнѣ*. Местоименные флексии встретились всего по 1 разу в каждой из этих лексем: *дрогго/го* (ВП) 20в, *въ тж/ждѣмъ* 123а, *кото/рого* (РП) 134в.

Кроме того, среди причастных форм МЕ отмечен 1 пример употребления причастия с местоименной флексией в РП ед.: *въслѣдъ/погыкъшеѣ* <окъцѣ> 26а.

Отдельный раздел Главы 4 посвящён совместному рассмотрению функционирования не/стяжённых форм прилагательных, причастий и глагола (парадигма имперфекта). Сопоставительный анализ показывает разное в орфографическом отношении поведение данных форм, с одной стороны, в прилагательных, а с другой стороны, в причастиях и имперфекте.

Всего в МЕ отмечена 221 форма членных прилагательных, потенциально допускающая варьирование не/стяжённых форм. Из них 68 форм (30%) – нестяжённые, при этом их частотность к концу рукописи снижается: на лл. 126–160 приходится только 3 формы. Соотношение двух типов окончания не совпадает в разных предложно-падежных формах разных родов. Можно отметить полное отсутствие нестяжённых вариантов флексии в формах МП муж. и сред. р. (22 примера), и напротив, постоянное употребление нестяжённого окончания в формах РП сред. р. мн. ч. (6 примеров).

В остальных предложно-падежных формах используется общая орфографическая стратегия распределения не/стяжённых форм флексии: заметно предпочтение, которое отдаётся нестяжённым формам в позиции конца строки. Без учёта данных МП муж. и сред. родов нестяжённые формы не на конце строки отмечены в 26% примеров (38 из 145 форм), а на конце строки в 73% примеров (30 из 41 формы). Распределение двух вариантов написания флексии членного прилагательного вполне соответствует принципу использования буквенных дублетов, описанному в Главе 2: дополнительный (дублетный, избыточный) элемент системы закрепляется за узкой функцией оформления конца строки. Разница с употреблением буквенных дублетов заключается в том, что нестяжённые формы привязаны к позиции конца строки у обоих писцов МЕ.

При этом не во всех падежах употребление нестяжённых флексий, связанное с концом строки, однородно. Окончания *-аго* и *-оуоумоу*

оказываются противопоставлены остальным как имеющим в своём составе элемент -ѣ- (-н- в мягком типе). По-видимому, в качестве морфологических дублетов писец А (а по его образцу – и писец Б) рассматривал преимущественно флексии с формантом -ѣ- (-н-). Окончание -ааго (вероятно, и -оуоѣмоу), не имеющее этого внешнего признака, менее активно использовалось писцом в новой функции. Начиная со 108 листа писец А совсем перестаёт ими пользоваться – не только в прилагательных, но и в причастиях.

На материале причастий и форм имперфекта сделанные для прилагательных наблюдения о роли позиции конца строки не подтверждаются. Всего причастных форм, потенциально допускающих варьирование, отмечено 175. Из них 43 формы являются нестяжёнными (24,5%). И только 9 из 43 форм приходятся на конец строки (21% на фоне 73% для прилагательных). Форм имперфекта в МЕ насчитывается 606, из них в 3 лице представлено 316 форм ед. числа и 283 формы мн. числа. Из 316 форм ед. числа 78 – нестяжённые (24%), а из 283 форм мн.ч. нестяжённых 108 (38%). При этом на конец строки приходится только 59 (32%) форм имперфекта 3 лица обоих чисел.

Таким образом, рассматриваемые категории, имеющие не/стяжённые разновидности морфем в своём составе, с точки зрения морфологии (не/адъективные) группируются иначе чем при рассмотрении с точки зрения орфографии рукописи (не/упорядоченная орфография). Для формирования орфографического противопоставления оказывается важным не столько грамматическая информация сама по себе, сколько разная степень её актуальности в грамматической системе церковно-книжного языка и разговорного языка писцов. Неактуальные для разговорного языка причастия и формы имперфекта не способствуют выработке орфографической стратегии.

Глагольные формы МЕ – имперфект, аорист, наст. вр. – исследуются на предмет вариативности в формах 3 лица.

В формах имперфекта 3 лица прослеживается система применения «аугмента» -ть и степень её соответствия реконструируемой исследователями (Янакиева 1989, Тимберлейк 1997, Живов 2006 (2003)) исходной системе употребления данного элемента в древнерусском языке. В целом элемент используется в имперфекте в МЕ преимущественно перед определёнными энклитиками, что ожидаемо для периода XII в., но в сравнении другими обследованными на данный предмет рукописями в МЕ имеется ряд характерных черт.

Из 63 форм имперфекта на -ть в МЕ только 2 формы ед. ч., обе у писца А: ѡѣлашеть ѿ 82в, въпрашашеть ѿ 139в. На фоне древнейших списков евангелия (см. выше) редкое появление -ть в ед. ч. ожидаемо, но примечательно появление подобных форм только перед энклитическими формами местоимения н.

В отношении форм мн. ч. МЕ показывает ориентацию писцов на употребление имперфекта на -хоуѣть перед местоимением н. Из 61 примера в этой позиции находится 37 форм. При этом оба писца одинаково последовательны в применении рассматриваемых написаний: -ть появляется во всех случаях, когда за имперфектом следует энклитика н. 100%-ная последовательность даже вызывает в 1 случае появление гиперкорректного написания, когда после -хоуѣть вставляется лишнее местоимение: **прнпн/рахоуѣть н дроуѣтъ дроуѣга** 100в.

На фоне древнейших списков евангелия (Мстиславово ев. нач. XII в., Юрьевское ев. ок. 1120 г., Галицкое ев. 1144 г.) МЕ выделяется значительным количеством отклонений (24 раза) от указанного базового употребления (максимум – 13 отклонений – до этого отмечался в Галицком ев. 1144 г.). Состав контекстов с расширенным употреблением добавочного элемента в рукописях качественно различается даже по сравнению с Галицким ев. 1144 г.. Если в Галицком ев. 1144 г. формы на -ть перед неэнклитическими формами местоимений – это 11 из 13 отклонений, то в МЕ их только 11 из 24. Из оставшихся 13 примеров 6 – -хоуѣть перед частицами **же** и **са** и в остальных 7 примерах – перед знаменательными частями речи: **нмѣахоуѣть/раны**, **въпнѣахоуѣть/глице** 25а, **въпра/шахоуѣть оуѣенн/чн** 75б, **бѣахоуѣть оуѣе/ннчн** 90в, **прѣ/щаахоуѣть прнносѣ/щнмѣ** 124г, **н/скахоуѣть ѣтн н** 128г, **въпрашахоуѣть ѣдн/ного** 149г. Примеры на лл. 75б и 149г лишь формально являются исключениями, т.к. в них за глаголом должно следовать н, но оно писцом пропущено.

Совокупность контекстов употребления -ть, разная степень их активности в МЕ имеют ближайшую параллель в данных древнейшего периода летописания, описанных А. Тимберлейком. Эта особенность, возможно, обусловлена спецификой орфографической традиции новгородских писцов в использовании элемента -ть.

МЕ сохраняет большое количество форм аориста с приращением -сть/-тъ в формах 3 лица ед. числа, что обусловлено в первую очередь тем, что оно содержит древнюю редакцию текста (Миронова 2005: 167). Формы с приращением в рукописи представлены следующими примерами: **ѣтъ** – более 80 раз (постоянно пишется с приращением), **начатъ** 21б, 22а, 22б, 27в, 40в (х2), 42г, 62в, 69г, 70б, 85а, 98г, 114а, 114б, 121в, 121г, 125г, 127а, 131в, 134г, 137в, 139а, 139г, 149а, 150б, **оумрѣтъ** 31а-б, 31в, 67в, 149г, 151в, **ѣтъ** 31в, 42г, **наѣтъ** 44а, 44в, **поѣтъ** 45а, 117б (х2), 130а (х2), 137б, 150б, **възѣтъ** 110б, **нзѣтъ** 72б, **прнѣтъ** 23г, 82а, 85а, 126в, 135в, 160а, **дасть** 17б, 39в, 42а, 48а, 63а, 72в (х2), 85а, 87б, 97г, 102а, 112б, 137а (х2), 138а, 146г, 147б, 154г, 160а, **въдасть** 112а, 115а, 128б, 155б, **прѣдасть** 17в, 25в, 140а, 145б, **прѣдасть** 61б, **ѣсть** 1г, 87б, **сѣнѣсть** 23б, 147б, **прострѣ/тъ** 87г, **въспѣтъ** 139а, 139б.

Реже в тексте МЕ встречаются формы без приращения: *начѹ* 27а, 67б, 70а/, 100в, 106б, 139а, *начѹ* 70г, 88в, *оумръ* 95б, 95в (МЕ₄), 117б, 130а, 157в, 157г, *оумръе* 49б (х2), 117а, 117б, 130а, *поѹ* 67г, *ѹ* 67г («взял»), *прода* 34г, *вѹда* 80г, 101в, *ѹда* 88г, *не да* 95в (МЕ₄), *не ѹ* 79г («не ел»), *простръе* 28г, 147а, *поки* 104а (преобладание написаний без приращения формы глаголов *оумръти* и *простръти* свойственно ещё старославянским памятникам – Пичхадзе 2006: 135).

Для того чтобы нагляднее показать степень активности аористов на *-сть/-тъ* в МЕ в кругу рукописей евангелия, содержащих древнюю редакцию текста, в работе данные МЕ сравниваются, с одной стороны, с показаниями списков XI в. – Остромирова и Архангельского ев., а с другой стороны, с соответствующими формами в списках конца XII – начала XIII вв. – Пантелеймонова (РНБ, Соф. 1) и Полоцкого ев. (РНБ, Пог. 12). На фоне списков евангелия XI в. в МЕ не наблюдается редактуры старославянских аористных форм. Список МЕ в некоторых случаях даёт более последовательное сохранение южнославянских форм, чем АЕ. Сравнение со списками рубежа XII–XIII вв. показывает, что в них наблюдается общее направление правки данных форм по сравнению с МЕ. В Пантелеймоновом ев. – в 32 случаях, а в более консервативном Полоцком ев. – в 14 случаях аористные аугментированные формы МЕ соответствуют формам без аугмента.

Сопоставление данных МЕ со списками евангелия разного времени показывает, что по соблюдению архаичной нормы в написании форм аориста 3 лица ед. числа рассматриваемой группы глаголов МЕ примыкает к спискам евангелия XI в. и выделяется на фоне списков конца XII – начала XIII вв. отсутствием последовательного устранения аугмента *-тъ*.

В МЕ отмечено 10 форм наст. вр. без *-тъ*: */ѹто ѹ теѹъ*. 7г (Ио 21:23); *ѹко въ сѹбо/тоу жьрци соу/боты сквьрнѹ*/ 23б (Мф 12:5); *ѹже/ ѹ кесарево кесарю./ ѹ же ѹ бжнѹ то бѹ.*/ 59г (Мф 22:21); *соукъ ѹ же ѹ въ оуѹ* 85г (Лк 6:42); *ѹгда нечи/стыи ѹзнде/ ѹ ѹлѹка* 97в (Лк 11:24, наст. время); *не ѹ же/ ли ѹ сѹтворилъ въ/нѹшьнеѹ ѹ оутрь/неѹ сѹтворн* 99в (Лк 11:40); *ѹ же ѹ конъ/дратъ* 131а (Мк 12:42); *по не ѹ ѹдо//ша глѹце. ѹко ѹде на/ гробъ плачетъ сѹ тоу.*/ 152б (Ио 11:31); *ѹлко рекоу ва/мъ блюсти съблю/данте* 158б (Мф 23:3). Эти примеры можно разделить на две группы. К 1-й группе относятся формы 3 л. ед. ч. глагола *быти*, имеющие книжное происхождение: они встречаются уже в древнерусских рукописях XI в. (Иванов 1982: 40). 2-ю группу составляют формы других глаголов, которые являются диалектизмом в тексте МЕ. Все 4 примера содержатся в придаточных предложениях (1 – в условном, 1 – во временном с оттенком условности), что дополнительно сближает их с употреблением берестяных грамот, где формы без *-тъ* передают предполагаемое действие (Зализняк 2004: 137). Разговорный характер этих форм подтверждается и

наличием исправленной формы, расположенной в придаточном условном: **нѣ оуѣсоумнѣ сѧ** 127в.

В последнем разделе Главы 4 анализируются несогласованные по числу формы прошедших времён в МЕ. При утверждении ранней датировки памятника они привлекают особое внимание, т.к. фиксируются в древнерусском языке только начиная с конца XIII в.

В научный оборот А. И. Соболевским был введён один из таких примеров: **птнца нѣнзиѧ позобашѣ ю** 87об. (Соболевский 1907: 236). Данный контекст рассматривается А. И. Соболевским как пример смешения аориста на -ша и имперфекта на -ше в языке. Подозрение в надёжности этого примера возникает в связи с тем, что даже при датировке МЕ началом XIII в. он является слишком ранним: обычным нарушение в употреблении форм аориста и имперфекта становится только в XIV в. (Колесов 2009: 308, 311).

При обследовании памятника обнаружено ещё два случая (у писцов Б и А) употребления имперфекта 3 лица ед. ч. вместо аориста 3 лица мн. ч. в повторяющемся чтении: **глѣше ёмоу пьрьвынѣ** · **глѣ нѣмъ нѣсъ** 48в, **глѣше ёмоу пьрьвынѣ глѣ ёмоу ісъ** 155а (Мф 21:31). В обоих приведенных примерах несогласованная форма **глѣше** досталась писцам МЕ из протографа и связана с переосмыслением в сложном для восприятия контексте (она есть, например, и в Мстиславовом ев.). Показательно то, что писец А попытался устранить несогласованность, внося правку **нѣмъ > ёмоу**. Этот контекст показывает, что писец А хорошо различал по числу формы **глѣша** и **глѣше**, устранив несогласованность форм, доставшуюся из протографа. Это также заставляет видеть в форме **позобашѣ** описку.

При детальном рассмотрении контекста на л. 87об оказывается, что в данной форме можно подозревать обычную антиципацию гласной следующего слога (ср. **позобашѣ ю**), при том, что второе **о** в словоформе переправлено из ошибочного **а** (т.е. было написано **позабашѣ ю**), возникшего также вследствие антиципации. Писец мог не среагировать на 2 антиципации подряд. Кроме того, буква **ѣ** в окончании имеет необычное утолщение в верхней части. Судя по всему писец начал переписывать правильную букву **а** (утолщение как раз похоже на верхний элемент **а**), потом заметил, что сделал ошибку ранее и отвлёкся на её исправление.

В контексте памятника XII в. разобранные примеры написания формы имперфекта вместо аориста следует признать возникшими по разным причинам описками.

В **Заключении** работы на основании синтеза полученных в работы результатов конкретизируется место МЕ в кругу древнейших древнерусских памятников письменности. Рассмотренные особенности МЕ разных языковых уровней не выходят за рамки языковых параметров, наблюдающихся в древнерусских памятниках XI–XII вв. При этом по целому ряду показателей МЕ оказывается ближе памятникам XI – начала XII вв., чем

более поздним. Это свидетельствует о предпочтительности для рукописи ранней датировки.

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в следующих **публикациях** – статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Мольков, Г. А. Об одной палеографической особенности почерка второго писца Милятина евангелия [Текст] / Г. А. Мольков // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2014. — Вып. 1. — С. 178–186.
2. Мольков, Г. А. Употребление стяжённых и нестяжённых форм прилагательных, причастий и глаголов в Милятином евангелии [Текст] / Г. А. Мольков // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23–25 июня 2014 г. — С. 667–678.
3. Мольков, Г. А. Развитие орфографической системы новгородского писца Домки (на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде) [Текст] / Г. А. Мольков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2014. — № 3 (57). — С. 21–30.